

УДК 811. 111: 316.77

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД
К АНАЛИЗУ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ****О.П. КАЗАКОВА***(Полоцкий государственный университет)*

Рассматриваются роли говорящего и слушающего в процессе диалоговой интеракции, признаки, релевантные для организации и моделирования диалога, механизмы кодирования и декодирования смыслового компонента в рамках диалогической речи, а также анализируется связь диалоговой интеракции с прагматической пресуппозицией общения.

В современной лингвистике и смежных с нею синкретических отраслях гуманитарного знания, таких как психолингвистика, социолингвистика, лингвистическая прагматика, философия языка, коммуникативно-когнитивная лингвистика, все большую значимость приобретают проблемы исследования диалогической речи. Актуальность вопросов межличностного общения как компонента культуры современного человека и диалогической речи как основной формы существования данного общения не вызывает сомнения. Это обусловлено тем, что именно в диалоге наиболее органично выражена коммуникативная функция языка, естественно проявляющаяся в процессе языкового взаимодействия людей. Диалогическая речь представляет собой коммуникативную систему, для которой характерны сиюминутность рече-производства, быстрота и непосредственность процесса отражения явлений и ситуаций объективного мира, активность говорящих в отношении выражения своего индивидуального отношения к фактам, обилие эмоциональных реакций.

Мысль о диалогической природе человеческого общения утвердилась в современной лингвистической науке не без влияния идей М.М. Бахтина. Всякое высказывание, каким бы монологическим оно ни казалось, является, согласно М.М. Бахтину, лишь моментом непрерывного речевого общения, которое в свою очередь представляет собой непрерывный процесс всестороннего становления данного социального коллектива и человека в нем. «Жизнь по своей природе диалогична. Жить - значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т.п. В этом диалоге человек участвует весь и всю жизнь: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками. Он вкладывает всего себя в слово, и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни...» [1, с. 3].

В современных исследованиях диалогового взаимодействия, диалогической речи вообще приоритет отдается деятельностному подходу, включающему язык в контекст коммуникации. Непосредственный собеседник говорящего является и адресатом коммуникативного намерения говорящего, т.е. предполагаемым носителем информации, если к нему обращен вопрос, и субъектом желаемого действия, если к нему обращена просьба или запрещение. Поэтому устойчивое соотношение адресант - адресат, реализуемое через текст как предметно-знаковое звено коммуникации, является исходной, базовой «клеточкой» диалогического общения [2].

Антропоцентрический подход к языку, обращение к человеческому фактору позволяет расширить сферу исследования диалогической коммуникации, поскольку в центре внимания здесь находится личность каждого из коммуникантов, в то время как диалог представляет собой основную форму межличностного общения. К числу человеческих факторов относятся следующие:

- языковая компетенция, т.е. знание некоторого языкового кода, с помощью которого общающиеся обмениваются информацией;
- национальная принадлежность;
- социально-культурный статус (социальная принадлежность, профессия, занимаемая должность, культурные нормы и обычаи, уровень образования, место жительства, семейное положение);
- биолого-физиологические данные;
- психологический тип коммуниканта;
- текущее психологическое состояние (настроение, текущие знания, цели и интересы);
- степень знакомства коммуникантов;
- устойчивые вкусы, пристрастия и привычки;
- внешний вид (одежда, манеры и т.п.).

Функционально-прагматический подход к изучению диалогической речи предполагает рассмотрение речевого взаимодействия как с позиции говорящего, так и с точки зрения слушающего. Установлено, что прагматически существенным свойством диалогической речи является вариативность, позво-

ляющая говорящей личности адекватно осуществлять выбор языковых средств, соответствующих ее коммуникативному намерению. При исследовании закономерностей речевого взаимодействия функциональный подход предполагает установление границы между общепринятым, конвенциональным, с одной стороны, и субъективным, контекстуально обусловленным - с другой.

Рассмотрение диалога как вида речевой деятельности, тесно связанной с общей прагматической деятельностью человека, дает возможность определить основу моделирования типичных речевых средств, способствующих актуализации личностных характеристик коммуникантов.

Более того, диалогическая речь постепенно становится источником исследования половой, гендерной дифференциации речи в современном английском языке. Изучение мужских и женских вариантов английского языка позволило исследователям заключить, что изменения, происходящие в социальной жизни, накладывают свой отпечаток на изменения в мужской и женской речевой культуре. По мнению И.И. Халеевой, для любого общества характерна своя коммуникативная ситуация, а также присущая этому обществу социально-функциональная стратификация языка, где всегда обнаруживаются некоторые отличия речевого поведения женщин от речевого поведения мужчин [3].

Например, женщины, в целом, используют меньше придаточных предложений, чем мужчины (исключение составляют придаточные условные, места и времени, где доминирует женский показатель) [4]. В женских высказываниях отмечается большая направленность на собеседника, что находит свое выражение в использовании таких контактоустанавливающих и контактоподдерживающих средств, как разделительные вопросы. Причем в речи женщин разделительные вопросы используются с положительными коннотациями (сочувствие, восхищение, поддержка, извинение и т.д.), а в речи мужчин, в основном, с отрицательными коннотациями (ирония, сарказм, гнев и др.), т.е. мужчины крайне редко используют разделительные вопросы в фатической функции [5].

Личностное начало проявляется в организации диалога, в котором именно личности принимают на себя те или иные коммуникативные роли, они обмениваются своими речевыми ходами и, соответственно, коммуникативными ролями. Они совершают и различные речевые действия, а именно: сообщают; констатируют; доказывают и убеждают; просят и приказывают; обещают и уклоняются от обещаний; иронизируют над фактами, друг над другом или над собой; оскорбляют собеседников или льстят им. Кроме того, они выбирают определенные речевые приемы, тактики и стратегии кооперативного или некооперативного характера; регулируют течение дискурса в общих и личных целях; инициируют коммуникативное событие; задают ему тему и стиль общения (нейтральный, официальный, дружеский, фамильярный); следуют постулатам общения либо, наоборот, не соблюдают их, стараются свернуть общение, уйти от темы; идут на нарушение постулатов количества и качества передаваемой информации, способа передачи информации. А поскольку само диалогическое взаимодействие протекает в конкретном социокультурном пространстве, оно строится на соответствующих реалиях мира.

Основной единицей анализа диалогического текста является диалогическое единство, которое представляет собой связную последовательность речевых действий, образующих разновидность сложного речевого акта - интерактивное или диалогическое действие.

Диалогическое единство может состоять из двух, трех, четырех и более реплик, взаимосвязанных с друг с другом как в структурно-композиционном, так и в смысловом и функциональном отношении. Между репликами диалогического единства устанавливаются отношения «стимул - реакция» («С —> Р»), что означает, что каждая исходная реплика порождает вторую ответную реплику и т.д., и что структура и семантика первой инициирующей реплики в какой-то мере обуславливает форму и содержание второй ответной реплики, ибо между этими репликами существует, как правило, «имплицативная» связь [6].

Способы выражения реплики-стимула в значительной степени определяются коммуникативной интенцией инициатора диалога и могут быть представлены предложениями различных структурно-коммуникативных типов; способы же выражения ответной реплики более разнообразны по своим коммуникативным функциям, что в определенной мере обусловлено значительной коммуникативной нагрузкой ответных реплик, которые наделяются способностью как «сталкивать» противоположные точки зрения, принадлежащие участникам диалога, так и содействовать их «совмещению» и «снятию противоречий» [7].

Именно ответная реплика, структурно завершая исходную, формирует целостный семантический план диалогического единства, позволяет говорить о его реактивности в том смысле, что автор второй реплики формирует свою реакцию, испытав и переработав то или иное воздействие партнера по коммуникации. В результате этого само диалогическое единство характеризуется структурной и смысловой взаимосвязанностью входящих в него реплик, синтаксической замкнутостью и коммуникативной завершенностью.

Структурно-композиционный анализ диалогического единства позволяет сделать вывод о том, что текст диалога отражает столкновение интенций его участников. В лингвистической литературе выделяют три типа диалогов:

- кооперативный диалог, где коммуниканты стремятся к кооперации;
- нейтральный диалог, в котором цели одного коммуниканта нерелевантны другому;
- антипод кооперативного диалога, в котором один из участников речевого взаимодействия не стремится к кооперации, а активно препятствует ей.

Кроме того, для организации и ведения диалога необходимо соблюдение определенных условий, таких как исходный разрыв в знаниях или их разная интерпретация, потребность в общении, соблюдение причинно-следственных связей, требование общей памяти, наличие хотя бы небольших общих языковых знаний, а также семантическая связность [1]. Соблюдение коммуникантами этих условий обязательно, поскольку в противном случае диалог может пойти по не запланированному изначально пути или не состояться вообще.

К числу признаков, релевантных для организации и моделирования диалога, относятся: его модальность, тема, социальные нормы и конвенции, фреймы, сценарии отражения в человеческом сознании внеязыковой действительности.

Одним из важнейших компонентов диалогической речи является модальность. В прагматическом аспекте, т.е. с точки зрения достижения коммуникативной задачи говорящего, модальность представляется как управляемый и осуществляемый говорящим процесс выбора имеющихся в его распоряжении языковых средств, модусная аранжировка им своих речевых поступков с целью регулирования собственных и чужих интенций [8]. Для диалога характерным является эксплицитный модус - он выражает либо пропозициональную установку говорящего, либо апелляцию к интенциональному состоянию адресата. Модальность диалога имеет более сложную структуру, чем монологическая модальность, так как в диалогической речи, в отличие от монологической, сталкиваются и координируются две установки - установка адресанта и установка адресата [9]. Координация и взаимодействие модальных характеристик, вытекающих из обеих установок, способствует созданию единого модального плана диалогического единства.

Тематическая целостность диалога является необходимым условием взаимопонимания партнеров по общению. Тема диалога играет основную роль в механизме активизации тех или иных частей баз знаний партнеров. Тематическая организация диалога формализуется во фрейме, сценарии, которые представляют собой «пакеты» информации (хранятся в памяти) и обеспечивают адекватную когнитивную обработку знаний о реальной действительности [10].

Механизм понимания диалогической реплики основывается на сопоставлении содержащейся в этой реплике семантической информации с фиксированными универсальными схемами, относительно которых осмысливается некоторое событие, ситуация или факт. Набор этих фундаментальных схем невелик и определяется культурной парадигмой.

Теория фреймов, схем, сценариев имеет непосредственное отношение к анализу диалогической речи, поскольку является инструментом «описания и объяснения лексических и грамматических значений» [11]. Более того, Филлмор полагает, что внутриязыковой анализ предложения должен рассматриваться как простая демонстрация лексического, грамматического и семантического наполнения предложения, и эта демонстрация служит созданию «рабочего чертежа», пользуясь которым интерпретатор воссоздает картину целого. Подобное понимание соотношения языковых конструкторов и фреймов способствует выявлению того, как структура фреймов отражается в диалогической речи, в какой мере диалогическая речь фиксирует опыт, сформированный в человеческом сознании.

В ходе диалога коммуниканты прибегают к конвенциональным языковым структурам, но взаимосвязанные коммуникативные акты партнеров по общению не представляют собой готовых структур. Они создаются партнерами в ходе диалога как результат интеллектуальных процессов коммуникантов, таких как рассуждение, целеполагание, принятие решений.

Эмоции составляют неповторимую сущность говорящей личности. Внимание к проблеме эмоций при анализе диалогической речи связано с особой ролью всех эмоциональных проявлений (лингвистических и экстралингвистических), посредством которых говорящий раскрывается в общении. Именно в диалоге, отражающем текущую ситуацию общения и характер взаимоотношений партнеров, язык в полном объеме проявляет свой эмотивный потенциал. Одним из наиболее распространенных способов выражения оценочных намерений партнеров по общению в английском языке служит употребление атрибутивных словосочетаний типа «прилагательное + существительное», среди которых преобладают словосочетания с антропоцентрической направленностью и которые детерминированы концептуально, социолингвистически, лексико-фразеологически. Прагматическая неоднозначность оценочных структур в диалогической речи возникает за счет их собственного содержания (субъективная оценка + объективная

информация), а также за счет взаимодействия как с лингвистическим контекстом, так и с экстралингвистической ситуацией [12].

С точки зрения процесса коммуникации эмоциональный план диалогической речи служит достижению прагматических задач общения. Именно эмоциональная коммуникация выступает на первое место в диалоге. Выбор и использование коммуникантами языковых средств в диалоге является основным способом передачи говорящим эмоций, стимулом для возбуждения их у слушающего. Адекватный выбор языковых средств является гарантией такого восприятия диалогической реплики, при котором у слушающего возникает доверие к адресанту, потребность эмоционального участия в событии, а затем потребность совершения под влиянием диалогического воздействия конкретных действий. В любом случае эти средства увеличивают вероятность эмоционального воздействия диалогической реплики, обеспечивают адекватность эмоциональной реакции слушателя намерениям говорящего.

Одним из важнейших способов формирования эмотивности диалогической речи являются скрытые смыслы. Скрытые грамматические смыслы потенциально существуют в смысловой структуре языковых единиц, но обнаруживаются лишь в конкретном речевом акте [13]. У слушающего возникает желание декодировать скрытый смысл потому, что в реплике с помощью различных языковых приемов даются указания, своеобразные сигналы о существовании явно невыраженного смысла.

Сигналом дополнительной экспрессивности диалогической реплики может стать отклонение от нормы, нарушение социальных и языковых стереотипов. Всякое отклонение от нормы усиливает не только внимание, но и эмоции адресата. При выборе речевого варианта, в котором актуализируется смысл его высказывания, адресант руководствуется целым рядом соображений, входящих в сферу прагматических исследований, таких как конкретная коммуникативная ситуация, принятые в его среде правила речевого общения, его пресуппозитивные, личностные, социальные и другие характеристики. А поскольку весь речевой акт адресанта ориентирован на оказание воздействия на адресата, то, естественно, для достижения своей коммуникативной цели адресанту следует учитывать все те же характеристики адресата, чтобы предугадать его предполагаемую реакцию.

Образ адресата является ключевым при рассмотрении вопросов прагматической направленности процесса коммуникации, связанных с восприятием языка как средства воздействия; именно он определяет дополнительные прагматические сведения, присущие реплике говорящего, делает возможной реализацию апеллятивной или конативной и фатической функций языка.

Роль слушающего в коммуникации была замечена еще в античности, а в наши дни блестяще описана отечественными лингвистами, занимающимися вопросами прагматики коммуникативных единиц [14,15].

Таким образом, любая диалогическая реплика может быть охарактеризована прежде всего как событие, ограниченное факторами говорящего и слушающего. Она есть проявление двусторонней эгоцентричности - адресант учитывает фактор адресата, а последний в свою очередь принимает во внимание особенности речевой манеры исполнения первого, проявляя активность или пассивность в поддержании речевого контакта. Подобная коммуникативная ситуация предстает как идеальный вариант протекания коммуникации. Нарушение принципа двойной эгоцентричности, действующего в диалогическом взаимодействии, ведет к коммуникативным неудачам.

Основные источники коммуникативных неудач:

- различия в языковой компетенции партнеров - неодинаковый характер намерений и тактических приемов их реализации у говорящего и способности их адекватной интерпретации слушающим;
- различия во внеязыковой компетенции собеседников (несовпадение в их системах этических и эстетических ценностей).

Речь говорящего - это прежде всего осуществляемый им выбор из числа различных языковых средств, способных выполнять в том или ином контексте одну и ту же функцию.

Ответная реакция слушающего - это в первую очередь восприятие предшествующего высказывания.

Процессы выбора и восприятия, осуществляемые коммуникантами в условиях диалоговой интеракции, связаны с их опытом, представлениями о реальной действительности. Области пересечения фоновых знаний партнеров по коммуникации составляют фонд их общих знаний, который в виде прагматических пресуппозиций служит средством обеспечения связности реплик диалогового текста [1].

Таким образом, кодирование и декодирование смыслового компонента в рамках диалогической речи обусловлено прагматически, так как предполагает отсылку к говорящему или слушающему как главным прагматическим составляющим речевого акта, их ментальной и социальной сферам. Анализ функционирования языковых единиц в речевых актах общения представляет интерес еще и потому, что только в рамках теории речевых актов можно найти достаточно систематизированное представление семантики интенциональной области языка. Именно теория речевых актов вызвала в англистике основной интерес к прагматике языка.

Речевой акт является единицей вербальной коммуникативной деятельности, речевым произведением, соединяющим единичное намерение, заверченный минимальный отрезок речи и достигаемый результат. Прагматическая функция речевого акта характеризует его как акт воздействия говорящей личности на среду, себя саму и/или на адресата.

В своей философско-лингвистической концепции Дж. Остин и Дж. Серль разграничивают локутивный акт, объединяющий в себе элементы референции и смысла, иллокутивный акт, определяемый коммуникативной целью высказывания, и перлокутивный акт, отражающий изменения в сознании или деятельности получателя речевого акта [16]. Другими словами, теория речевых актов направлена на выявление множественности функций, к которым сводится синтаксический процесс, нацеленный на удовлетворительное общение. Немаловажную роль в идентификации интенции говорящего играет ответная реакция слушающего, поэтому целесообразнее исследовать закономерности функционирования речевых актов, их коммуникативное назначение в рамках диалогической речи, которая наиболее явно отражает позиции партнеров по общению, как и другие элементы речевой ситуации.

При исследовании прагматического аспекта диалогической речи целесообразно различать следующие типы речевых актов, соотносящиеся с коммуникативными намерениями говорящего (однако следует отметить, что элементы одного типа могут быть присущи в различной степени другому типу) [17]:

- констативные (сообщения, утверждения, описания, констатации, отчеты, объяснения, заверения и т.п.);
- директивные (приказы, требования, распоряжения, указания, просьбы, советы, предостережения и т.д.);
- коммиссивные (обещания, угрозы, предложения, клятвы и т.п.);
- экспрессивные (извинения, благодарность, соболезнование, упреки, сожаления и т.д.);
- эмотивные (различные эмоции);
- декларативные (называния, определения, назначения, приговоры и т.д.);
- вокативные (обращения, вызов, зов);
- интеррогативные.

Выделение указанных иллокутивных актов позволяет определить суть прагматического подхода к описанию диалогической речи - интерес исследователя в этом случае сосредоточивается на содержании высказываний участников диалогового взаимодействия, а не на значениях словоформы и словосочетания в составе данных высказываний. Отсюда неизбежным оказывается включение в сферу анализа конкретного речевого контекста, учета таких параметров коммуникативной ситуации, как место и время общения, а также личностных характеристик адресанта и адресата.

Другими словами, прагматика диалогической речи занимается изучением всего того, что осталось за пределами вербального выражения, конвенционального и узуального, воплощающихся в соответствующие области (поля) сигнификатов отправителя и реципиента сообщения [18].

Проблема контекстуального значения логически поднимает другую, не менее важную проблему, каковы механизмы удачной интерпретации слушающим намерения говорящего? Расстояние между «тем, что сказано» и «тем, что понято» заполняется посредством имплицитных выводов, осуществляемых с использованием базы знаний, имеющейся в памяти слушающего [1]. Изучение скрытого, контекстуально обусловленного значения на уровне диалоговой интеракции превратилось в самостоятельную отрасль современных прагматически ориентированных исследований.

С позиции слушающего важно адекватно декодировать полученное речевое сообщение с учетом множества составляющих данного сообщения. С семантической точки зрения, диалогическая реплика может вбирать в себя одно- и двухплановое смысловое содержание. Согласно такому подходу, различают диалогические тексты с одним «слоем» смысла (эксплицитным) и тексты с двумя «слоями» смысла (эксплицитным и имплицитным) [19].

Процесс понимания диалоговой реплики и процесс экспликации имплицитного смыслового компонента предполагают не только обработку воспринимаемых данных, но и активацию, и использование внутренней когнитивной информации [20].

Понятие имплицитного смысла целесообразнее всего определить как содержание, которое косвенно воплощено в узуальных лексических и грамматических значениях языковых единиц и которое, не будучи непосредственно выраженным адресантом, выводится из эксплицитного содержания языковой единицы в результате взаимодействия этого содержания со знаниями адресата и той информацией, которую он получает из контекста ситуации общения [1].

С одной стороны, в процессе переработки полученного сообщения адресат устанавливает его истинное значение посредством своих предварительных знаний, которые привносятся в диалогическое общение, чтобы понять речевое произведение. С другой стороны, реплика-реакция на сообщение реализуется как заключение, которое делается слушающим из эксплицированной им информации, полученной в конкретных условиях протекания диалогового общения.

Таким образом, диалоговая интеракция оказывается тесно связанной с прагматической пресуппозицией общения, которая определяется как общий фонд знаний коммуникантов, а также и с их оценкой диалога, осуществляемого в данный момент.

Разрешение противоречия между прагматическими пресуппозициями общающихся является залогом успешности их диалогового взаимодействия. В плане языкового выражения разрешение данного противоречия подкрепляется предрасположенностью диалогической речи к вариативности. Именно вариативность является прагматически существенным свойством диалогической речи, позволяющим говорящей личности интуитивно или сознательно делать выбор из представленных в языковой системе таких средств, которые в конкретном диалогическом акте соответствуют коммуникативному намерению говорящего. Возможность выбора обеспечивает функционально-прагматическую гибкость диалогической речи и делает диалог наиболее оптимальным способом речевого воздействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапова С.Г. Основы межличностной и межкультурной коммуникации (английский язык) // Высшее образование. - Ростов н/Д: Феникс, 2004. - 288 с.
2. Сидоров Е.В. Личностный аспект речевой коммуникации и текста // Личностные аспекты языкового общения: Межвуз. сб. науч. тр. - Калинин, 1989. - С. 41 - 48.
3. Халева И.И. Гендер как интрига познания // Гендерный фактор в языке и коммуникации: Сб. науч. тр. Вып. 446.-М., 1999.-С. 15-19.
4. Мартынюк А.П., Башкирева С.А. Синтаксические аспекты половой дифференциации речи в современном английском языке // Теоретические и прикладные аспекты коммуникативной деятельности. Вестник Харьковского университета. 1994. - № 382. - С. 23 - 32.
5. Малюга Е.Н. Функционально-прагматические аспекты английских вопросительных предложений: на основе сопоставления британского и американского деловых и художественных текстов. - М., 2001.- 126 с.
6. Бузаров В.В. Круговорот диалогической речи, или взаимодействие грамматики говорящего и грамматики слушающего. - Ставрополь, 2001. -201 с.
7. Арутюнова Н.Д. Феномен второй реплики, или о пользе спора // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. - М., 1990. - С. 68 - 73.
8. Конюшкевич М.И. Модальность в свете прагматики // Вопросы функциональной грамматики: Сб. науч. тр. - Гродно, 2000. - С. 57 - 61.
9. Полянская Л.И. Коммуникативно-прагматическая структура высказывания-реакции (на материале английской диалогической речи): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Пятигорск, 1990. - 23 с.
10. Minsky M.A Framework for Representing Knowledge //The Psychology of Computer Vision. -N.Y., 1975.
11. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. - М., 1988. - С. 93 - 98.
12. Беляева Е.В. Принцип вежливости в вопросительных речевых актах // Иностранные языки в школе. - 1990. -№ 1.-С. 17-22.
13. Матвеева Г.Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук.-СПб., 1993.-44 с.
14. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Вопросы языкознания. Сер. Литературы и языка. - 1981. - Т. 40, №4.-С. 97-101.
15. Труфанова И.В. Образ слушающего в языке // Филологические науки. - 1997. - № 2. - С. 84 - 89.
16. Searle J.R. Speech Acts: Essay in the Philosophy of Language. - Cambridge, 1970.
17. Searle J.R. A Taxonomy of Illocutionary Acts // Expression and Meaning. - Cambridge, 1979.
18. Васильев Л.Г. О понимании речевых сообщений // Языковое общение и его единицы: Межвуз. сб. науч. тр. - Калинин, 1986. - С. 56 - 62.
19. Лисоченко Л.В. Высказывания с имплицитной семантикой (логический, языковой и прагматический аспекты). - Ростов н/Д, 1992. - 89 с.
20. Дейк ван Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. Вып. 23. - М., 1988. - С. 86 - 93.